

Целые сутки и день напролёт Нин Буюй то колебалась, то отступала назад в раздумьях: «то ли плюнуть на Ю Гуаньци и оставить его разбираться самого, то ли нет».

Ей хотелось бросить его на произвол судьбы, но стоило вспомнить о более чем десяти годах дружбы, как она начинала думать, что он всё же не заслуживает смерти.

Помучившись так довольно долго и проснувшись на следующий день, Нин Буюй решила сначала съездить в общежитие и посмотреть, как там обстоят дела, а уже потом принимать решение.

Из-за крутившихся в голове мыслей Нин Буюй почти всю ночь толком не сомкнула глаз и встала очень рано.

Слегка умывшись, она вышла из дома и направилась в университет.

Сегодня был второй день регистрации первокурсников, впереди оставался еще один.

Кампус был огромным, по территории даже ходили автобусы.

А поскольку эти три дня были отведены под единую централизованную регистрацию новых студентов, количество рейсов увеличилось втрое.

Автобусы ходили каждые две минуты.

Обычно студентов, приезжавших из других городов, на выходе с вокзала или из аэропорта встречали централизованно организованные автобусы университета.

Они привозили их к главным воротам, где эстафету подхватывали волонтеры от каждого факультета и направления: они помогали выстроиться в очередь для подачи документов и регистрации, а также сообщали номер группы и данные об общежитии.

Нин Буюй зарегистрировалась ещё вчера, так что сегодня ей нужно было лишь самостоятельно доехать на автобусе до своего корпуса.

Вчера, узнав, что жить вне кампуса запрещено, Нин Буюй вернулась к стойке регистрации, чтобы уточнить данные о своём общежитии.

Спросив об этом, она узнала, что вся информация содержалась в корешке-подтверждении успешной подачи заявки, вот только сама Нин Буюй в тот момент в него не вглядывалась.

Вчера, когда Нин Буюй сказала, что ей нужно в учебный отдел, волонтеры обратили внимание

на её травмированную ногу и решили, что она идёт подавать справки и документы на отсрочку военной подготовки, поэтому расспрашивать не стали.

Лишь когда Нин Буюй вернулась обратно, они спохватились, подсказали ей заглянуть в корешок и объяснили, как добраться на автобусе до общежития.

Они также участливо добавили, что если ей понадобится перетащить багаж, она может снова обратиться к ним за помощью.

Арендванная квартира находилась не так уж далеко от университета, если идти нормальным шагом, до главных ворот можно было добраться минут за семь-восемь.

Однако сейчас Нин Буюй числилась в рядах «раненых», передвигаться ей приходилось исключительно на костылях и на одной ноге, так что времени требовалось гораздо больше.

Преодолев путь до ворот с «героическим» упорством, Нин Буюй по указателям отыскала остановку кампусного автобуса.

По дороге ей даже довелось получить помощь от волонтеров с другого факультета, которые подвели её прямо к остановке под руки.

Отказаться было невозможно: стоило им подойти, как они взяли её под белы ручки с двух сторон, и пока один поддерживал, второй с энтузиазмом принялся расспрашивать про её специальности, группу, а заодно про личную жизнь и планы на замужество.

Не будь оба парня студентами, Нин Буюй решила бы, что они положили на неё глаз.

Ничего не попирая, Нин Буюй оставалось лишь держать лицо и изо всех сил придавать себе неприступный вид.

Еле добравшись до остановки и дождавшись автобуса, эти двое подсадили её в салон и даже добыли для неё сидячее место.

Сидя на стуле и чувствуя на себе любопытные взгляды пассажиров, Нин Буюй едва сдерживала гримасу.

Причина была проста: те самые заботливые старшекурсники-волонтеры, забросив её в автобус, извлекли наружу телефоны и потребовали обменяться контактами.

— Младшая сестрёнка, мы с компьютерного, давай добавимся в друзья. Будем вместе ходить на межвузовские тусовки, а старшие парни подберут тебе пару.

Два экрана телефона упали прямо ей в лицо, а поскольку водитель не трогался с места и не подгонял пассажиров, Нин Буюй пришлось сдаться и добавить их в контакты.

Автобус тронулся по маршруту, миновал несколько остановок и наконец остановился прямо под окнами мужского общежития.

Состроив свирепую физиономию, Нин Буюй с видом «не подходи — убью» вышла из салона.

На сей раз желающих проявить доброту и поддержать под локоток не нашлось, отчего на душе у Нин Буюй стало чуточку легче.

Старшекурсники-волонтёры в этом университете отличались просто зашкаливающим энтузиазмом — то ли у них такая натура, то ли всё дело было в погоне за волонтёрскими баллами.

В дни заселения первокурсников, в течение этих трёх тёплых дней, вход в общежития — как мужское, так и женское — был абсолютно свободным.

Делалось это во-первых, чтобы родители могли спокойно проводить детей до комнаты, а во-вторых, чтобы волонтёры могли помочь им тащить тяжёлые вещи.

Само здание общежития имело форму иероглифа «хуэй» (квадрат в квадрате), и в нём, как и предупреждал преподаватель, работали лифты — ровно шесть штук. По два с каждого торца и по одному посередине.

Выделенная ей комната находилась на шестом этаже, на самом верху.

Нин Буюй медленно доковыляла до лифта. Поскольку шёл второй день заезда и народу толпилось много, лифта пришлось ждать довольно долго.

Из-за её костылей Нин Буюй выглядела слишком заметно, так что при входе в кабину все вокруг услужливо расступались.

То ли из студенческой солидарности, то ли опасаясь задеть её и потом стать жертвой мошенничества.

Сверившись с инструкцией по заселению, Нин Буюй отыскала положенную ей комнату.

Расположение оказалось отличным: почти посередине коридора, ровно через одну комнату от центрального лифта.

Когда начнутся занятия, бегать наперегонки к лифту будет куда удобнее.

Нин Буюй подняла руку и постучала в дверь. Выждав несколько секунд, она не услышала никакого ответа.

Постучав ещё пару раз, она вновь столкнулась с тишиной.

Что ж, соседи по комнате ещё не появились, отчего Нин Буюй испытала лёгкое облегчение.

Как и предупреждали волонтеры, двери комнат для первокурсников поначалу не запирались — можно было просто нажать на ручку и войти.

Нин Буюй нажала на дверную ручку и распахнула дверь в общежитие.

Первое, что бросилось в глаза, — внутренняя планировка: комната на четверых, по две кровати у левой и правой стен, на глаз примерно полтора на два метра каждая.

Посредине стоял стол и четыре деревянных стула со спинками, судя по всему, предназначенные для приёма пищи и прочего.

Нин Буюй шагнула внутрь, чтобы осмотреться внимательнее.

Кровати представляли собой двухъярусную конструкцию «стол внизу, кровать наверху» с удобной лестницей. Лестница крепилась прямо между двумя кроватями, судя по всему, они делили её на двоих.

Спальные места на верхнем ярусе были со всех сторон огорожены деревянными панелями, а спереди оборудованы раздвижными дверцами в решётчатом стиле — одновременно лаконичными, красивыми и достаточно прозрачными.

В часы, когда отдых не планировался, их можно было распахнуть для проветривания и общения с соседями.

Нижний ярус занимали письменный стол и платяной шкаф. Причём не открытого типа, а с раздвижными дверями.

Как и наверху, стоило задвинуть створки, как получалось отдельное изолированное пространство с превосходной звуко- и светоизоляцией.

Двери нижнего яруса украшала сквозная резьба с узорами: они выглядели эстетично и в то же время пропускали свет.

Слева располагался шкаф, справа — письменный стол, посередине стоял стул с регулируемой высотой, а у стены находился блок с розетками.

Увидев столь продуманный дизайн спальных мест, Нин Буюй слегка расслабилась и продолжила изучать остальную обстановку комнаты.

Помимо четырёх кроватей, центрального стола со стульями, четырёх гардеробов, в комнате имелся кулер для воды и кондиционер.

Шкафы занимали четыре угла прямо рядом с кроватями, вплотную примыкая к ним.

Нин Буюй приоткрыла один из них: судя по всему, он был предназначен для хранения крупногабаритных вещей вроде ватных одеял.

Там же находился отдельный отсек поменьше, вероятно, под чемоданы.

Кулер для воды закрепили на стене у входа — модель оказалась без резервуара, бутыль с водой нужно было устанавливать снизу.

Пока что в комнате стоял лишь сам аппарат без бутылки, так что заказывать воду студентам предстояло самостоятельно.

Кондиционер смонтировали прямо над балконной дверью, чтобы было удобно выводить наружий внешний блок.

Оценив обстановку внутри, Нин Буюй направилась на балкон.

При открывании двери открывался вид на большое панорамное окно с двумя створками по бокам, которые можно было распахнуть для проветривания.

Левую часть балкона разделили на три независимых отсека: душевую, писсуар и туалет.

Справа тянулась длинная столешница умывальника с четырьмя встроенными кранами — по одному на каждого жильца, так что толкаться и делить воду никому не придется. Над умывальником на стене висело огромное зеркало.

Слева от раковины, ближе к стеклянному окну, стояла стиральная машина, причём барабанного типа.

Посмотрев на писсуар, Нин Буюй замерла на три секунды, после чего молча повернулась и ушла обратно в комнату.

Меньше видишь — крепче нервы.

На раздвижных дверцах каждой кровати крабовались таблички с именами и студенческими номерами, так что застилать постель следовало строго по своему месту.

Нин Буюй отыскала кровать с данными Ю Гуаньци — она оказалась справа, ближе к балкону.

Проведя рукой по поверхности створки, она убедилась, что та идеально чистая: судя по всему, университет провёл генеральную уборку заранее.

Ключ от комнаты лежал на столе у каждого студента.

Нин Буюй оставила костыли в стороне и медленно взобралась наверх.

Оказавшись на верхнем ярусе, она обнаружила, что со стороны лестницы вход в спальную зону тоже перекрывает раздвижная створка.

Стоило закрыть её и задвинуть засов изнутри, как открыть снаружи становилось решительно невозможно.

Приватность оказалась на высоте.

Нин Буюй снова вздохнула с облегчением: так было гораздо лучше и безопаснее.

Оглядывая все эти масштабные удобства в комнате, Нин Буюй невольно подумала: умеют же местные крупные компании вкладывать деньги, действительно шикарный размах.

<http://bllate.org/book/19351/1892120>